

Ли Вэньсю будет его учить? Как? Лично, что ли, показывая каждое движение?!

От одной мысли об этом Се Синьцянь мгновенно залился краской.

Минут через пять в ванной шумно спустили воду, а вскоре дверная ручка повернулась, и Ли Вэньсю увидел выходящего юношу.

Се Синьцянь уткнулся взглядом в носки собственных кед. Свободная футболка мешком висела на нем, а густой румянец заливал не только щеки, но и шею.

— Закончил? — поведя бровью, уточнил Ли Вэньсю.

Синьцянь вжал голову в плечи еще сильнее. Мочки его ушей пылали кумачом. Лишь спустя долгую паузу он выдавил невнятное:

— Угу.

— Тогда я зову остальных.

Юноша кивнул, так и не осмелившись за все время поднять глаз на Ли Вэньсю.

Режиссёр Ло покапризничал над деталями ещё пару часов, так что съемки эпизода затянулись до самого вечера.

Автомобиль бесшумно скользил по прибрежному шоссе. Се Синьцянь отвернулся к окну и застыл, не произнося ни слова. Чжоу Мин редко видел его настолько мрачным. Сначала ассистент порывался разрядить обстановку, но, бросив взгляд на суровый профиль актера, счел за благо молча уйти в тень. Сяо Се сегодня откровенно пугал, так что нарываться на неприятности не хотелось.

Дорога до отеля пролетела слишком быстро. Когда машина замерла у главного входа, лицо Синьцяня выглядело даже темнее, чем в начале пути. Как назло, минивэн команды Ли Вэньсю шел прямо следом. Едва юноша толкнул дверцу, как увидел выходящего из соседнего автомобиля актера.

На Ли Вэньсю была белая льняная рубашка с небрежно закатанными до локтей рукавами, обнажавшими крепкие предплечья. Заметив пристальный взгляд, тот скользнул по нему ответным взором.

Пойманный с поличным, Синьцянь тут же отвернулся и с независимым видом шагнул к дверям отеля. Ли Вэньсю пристроился рядом, явно намереваясь что-то сказать, но юноша прибавил ход, устремляясь к лифтам. Однако ускользнуть не удалось: откуда ни возьмись выскочил Гу

Синье. Бесцеремонно сгреб его за шею и потащил в сторону, возмущенно ворча:

— Ну наконец-то вернулись! А ну выкладывай начистоту: чем вы там весь день занимались?

Се Синьянь косился на чужую руку на своем плече. Голос его прозвучал суше арктического льда:

— Убери.

Гу Синье опасности не почувствовал и пробормотал с ядовитой завистью:

— Специально меня с собой не взяли! Небось тайком прокрутили что-то... непотребное?

«Непотребное...»

В памяти Синьяня мгновенно всплыла сцена у дверей туалета и невозмутимый вопрос Ли Вэньсю: «Закончил?». Лицо юноши мгновенно стемнело.

— Повторять не стану, — он смерил Гу Синье взглядом, каким обычно смотрят на свежий труп.
— Руку убрал.

— И не подумаю! — упрямо выпрямился тот. — Пока не признаешься, что у вас там было!

Разговаривать дальше Синьянь не стал. Он молниеносно перехватил запястье Гу Синье и с силой крутанул, намереваясь провести бросок через плечо. Но тот тоже был не промах: оказавшись в воздухе, извернулся, сделал сальто назад и с эффектным видом приземлился аккуратно на чемодан только что вошедшей постоялицы.

— Не ждал? — Гу Синье победоносно усмехнулся, глядя на ошеломленного соперника. — Я между прочим в первой десятке нормативов Управления по контролю сверхспособностей! Вяжались в драку со мной? Зелен еще... Мать твоя! Ты чего, всерьез?!

Не успел он договорить, как Синьянь уже сдернул его с чемодана, и прямо посреди холла завязалась потасовка. Сил и сноровки у обоих хватало, так что ни один не мог взять верх.

Сцепку прервал чей-то испуганный возглас. Синьянь мгновенно замер.

В пылу потасовки Гу Синье случайно налетел на женщину в солнцезащитных очках. Чёрные как смоль волосы ниспадали по её плечам, губы алели яркой помадой, а в воздухе повис густой, удушливый шлейф парфюма. Се Синьянь, не переносивший резких запахов, на автомате затаил дыхание и отступил на пару шагов.

— Простите, виноват! — пробормотал Гу Синье, готовый рассыпаться в извинениях. Но, разглядев пострадавшую, вытаращил глаза и расплылся в улыбке: — Сестра Ивэнь? Вы уже прибыли? Извините ради бога, я вас не ушиб?

— Ничего страшного, — брюнетка сняла очки, отрезвляя выразительным взглядом миндалевидных глаз. — Хотя съемочная группа и выкупила отель, сдержанность не помешает.

Гу Синье смущенно замялся, собираясь загладить вину, но Цю Ивэнь уже прошла мимо него прямо к Ли Вэньсю.

— Учитель Ли, — ослепительно улыбнулась она, непринужденно кивнув. — Давно не виделись.

Ли Вэньсю сдержанно отозвался:

— С прибытием.

Прохлада в его голосе, похоже, ничуть не смутила Цю Ивэнь — она спокойно продолжила разговор.

Остановившись на отшибе, Гу Синье вернулся к Се Синьцяню. Пихнув его локтем в бок, он шепнул с откровенным любопытством:

— Слушай, а ведь смотрятся вместе — прямо загляденье, согласишься?

Синьцянь поджал губы, разглядывая две статные фигуры неподалеку, и ничего не ответил. Гу Синье же, вдохновленный собственными глубокомысленными выводами, продолжал трещать:

— Поговаривают, Сестра Ивэнь согласилась на второстепенную роль только ради Братца Ли. Я поначалу не верил, а теперь вижу: верняк! Когда они снимались вместе в прошлый раз, фанаты всю их шипперили. У пейринга «Вэнь-И» до сих пор целая армия поклонников. Жаль, конечно, что киношка-то с «голубым» уклоном. Такая красotka — и играет твою соперницу!

Се Синьцянь сжал кулак и смерил его тяжелым взглядом:

— Опять напроситься хочешь?

Гу Синье споткнулся на полуслове. По привычке порываясь огрызнуться, он сник под суровым взглядом собеседника и сдал назад. Усевшись в кресло и небрежно закинув ногу на ногу, пробурчал:

— Ладно-ладно, не буду с тобой связываться.

Синьцянь развернулся и пошел к лифтам, лишь бы не видеть этого балабола. Чуть отдаль Цю Ивэнь все еще очаровательно беседовала с Ли Вэньсю.

— Собиралась приехать пораньше, чтобы хоть немного осмотреться на острове, да дела захлестнули, — сокрушалась актриса. — Я ведь на острове Вэйхай впервые, даже не знаю, где тут можно вкусно поужинать.

— Можешь спросить у местной съемочной группы, — сухо посоветовал Ли Вэньсю.

— Зачем искать кого-то, когда главный знаток передо мной? — ослепительно улыбнулась Цю Ивэнь. — Составишь мне компанию за ужином?

Ли Вэньсю не успел ответить: на другом конце холла Се Синьцянь шагнул в кабину лифта. Глядя на закрывающиеся двери, Ли Вэньсю слегка нахмурился, и взгляд его потемнел.

— Ого, сама Цю Ивэнь! Ну и состав собрал режиссер, одни звезды, — пробормотал Чжоу Мин, заходя в номер вслед за актером. — Интересно, получится у нее автограф выпросить?

Синьцянь достал из мини-бара бутылку минералки, сделал пару глотков и равнодушно бросил:

— Как хочешь.

Потом, немного подумав, добавил:

— Главное — держись вежливо.

— Само собой! — просиял Чжоу Мин и поинтересовался планами на вечер.

Синьцянь ответил, что выходить никуда не собирается, и велел заказать еду прямо в номер.

Мечтая об автографе, Чжоу Мин быстро навел порядок в комнатах и, мнясь от нетерпения, отпосился пораньше. Синьцянь удерживать его не стал.

Едва ассистент вышел за порог, как прозвенел дверной звонок. Решив, что это доставка из ресторана, Синьцянь распахнул дверь, но за ней стоял Ли Вэньсю.

Первым порывом было выдать привычное «Учитель Ли», но в памяти мгновенно всплыли недавние события, и слово застряло в горле.

— Зачем пришел? — только и спросил он.

— А мне нельзя? — изогнул бровь актер.

— Разве ты не должен ужинать с госпожой Цю?

— Нет, — невозмутимо ответил Ли Вэньсю. — Я отправил с ней Гу Синье.

— А, — выдохнул Синьцянь.

На этом темы для разговора исчерпались. Они неколебимо простояли на пороге пару мгновений, пока до юноши наконец не дошло спросить о цели визита.

— Хочу прогнать с тобой одну сцену, — пояснил Ли Вэньсю.

Синьцянь замер.

— Не возражаешь?

Отказать под таким предлогом было невозможно, и Синьцянь спросил:

— Во сколько?

Ли Вэньсю бросил взгляд на часы. В этот момент за его спиной звякнул лифт, и официант выкатил тележку с едой.

— Уже поздно, — предложил Ли Вэньсю. — Поужинаем вместе, а потом сразу репетиция?

Синьцянь онемел.

«Это он что, собирается ужинать прямо у меня?»

Впрочем, разрешения Ли Вэньсю ждал чисто символически: он уже перешагнул порог вслед за официантом. Выставлять его за дверь было неловко. Оставалось лишь радоваться, что Чжоу Мин заказывал с размахом — трех блюд вполне хватало на двоих.

Ужин прошел в гнетущей тишине — слышно было лишь, как фарфоровые палочки звенят о края пиал. Синьцянь клевал носом в тарелку, не чувствуя вкуса еды. Едва официант забрал грязную посуду, юноша промокнул губы салфеткой и, сдерживая неловкость, проговорил:

— Какую сцену репетируем? Я готов.

— Ссору, — ровным голосом отозвался Ли Вэньсю.

Се Синьцянь помнил текст сценария наизусть и мгновенно понял, о чем речь.

Август. Отношения Бай Цзинняня и Тан Фэна переживают самый пылкий период. В это же время на остров Вэйхай прибывает гостя — Юй Лу, искусствовед, основательница Галереи Булу и по совместительству арт-менеджер Тан Фэна.

За два месяца, проведенных на острове, Тан Фэн, до этого два года страдавший от творческого застоя, наконец поймал вдохновение и написал целую серию поразительных полотен. Продавщица его таланта Юй Лу, проведав об этом, тут же взяла билет на ферри и приплыла на остров — якобы оценить свежие работы и решить, стоит ли выставлять их на продажу.

Поначалу Бай Цзиннянь принимал её за обычную уполномоченную коллегу, о которой говорил Тан Фэн. Но по мере общения выяснилось, что их связывает гораздо большее: они росли вместе, были близкими друзьями и питали друг к другу нежные чувства. Когда правдоподобие этой связи всплыло наружу, в душе Бай Цзинняня закипела глухая, всепоглощающая ревность.

Нарыв вскрылся жарким днем. Бай Цзиннянь с Тан Фэном отмокали в бассейне, читая книги, когда Юй Лу в откровенном бикини спросила, может ли присоединиться. Бай Цзиннянь промолчал, и лишь краем глаза проследил за реакцией возлюбленного.

Тан Фэн вальяжно развалился у бортика в солнцезащитных очках. Плавки сползли низко на бедра, обнажая ровный загар бронзовой кожи. Не открывая глаз, тот небрежно бросил:

— Как знаешь.

Юй Лу босиком ступила в воду, присела рядом с Тан Фэном и принялась восторженно обсуждать дела: хвалила его новые картины, утверждала, что коллекционеры уже выстраиваются в очередь, и умоляла поскорее вернуться на материк, где покупатели сгорают от нетерпения.

Чем дольше она говорила, тем ближе подавалась к Художнику, пока не прижалась почти вплотную. Её изящная ступня с ярким красным педикюром опустилась в воду и под гладью бассейна стала игриво касаться ноги Тан Фэна.

Книга в руках Бай Цзинняня выскользнула и шлепнулась прямо в воду.

Тан Фэн спустил очки на кончик носа и изумленно уставился в бассейн. Впрочем, стоило ему заметить в воде чужую женскую ножку с алой эмалью на ногтях, скользющую по его голени, как вальяжность мгновенно испарилась. Взгляд Тан Фэна, устремленный на Юй Лу, стал

острым, как бритва. Девушка же лишь кокетливо улыбнулась ему в ответ.

А Бай Цзиннянь уже выбрался из воды и шагал к дому.

— Цзиннянь! — крикнул Тан Фэн, швырнув очки на шезлонг, и ринулся следом.

Но тот уже закрылся в номере, сжимая в руках намокший том.

Бросив испорченную книгу на подоконник, Бай Цзиннянь не глядя уткнулся лицом в подушку. За окном оглушительно стрекотали цикады, а волны размеренно накатывали на песчаный берег. Морской бриз не приносил свежести, не способный сбить душную, липкую тяжесть воздуха. Жара стояла невыносимая, а влажность зашкаливала — совсем не то, что сухой и прозрачный летний зной на севере. Южное лето казалось жидким, покрывающим кожу невидимым слоем влаги. Ощущение было такое, будто тысячи микроскопических пузырьков лопались на теле, вызывая зуд.

Бай Цзиннянь почесал плечо, но зуд лишь усилился. Он уже поднял руку, чтобы снова почесаться, когда чьи-то пальцы мягко перехватили его запястье.

— У тебя потница выскочила, — раздался над ухом знакомый голос.

Бай Цзиннянь отвернулся к стене, демонстрируя ему спину.

Тан Фэн присел на край кровати и принялся легкими, осторожными движениями поглаживать воспаленную кожу на его лопатках:

— Не чеши так сильно, кожу содрешь — заразу занесешь.

— И что с того? — Бай Цзиннянь скинул чужую руку, натянул одеяло до самых ушей и глухо буркнул из-под него: — Мешаю тебе с арт-менеджером рабочие вопросы перетирать?

— Обиделся? — Тан Фэн с добродушной укоризной потрепал его по голове через ткань.

Бай Цзиннянь ответил ударом: уперся руками ему в грудь, пытаясь спихнуть с кровати. Когда не вышло, сгреб подушку и с силой запустил в Художника, с чувством требуя: «Проваливай!».

— Я решил, что это твоя нога, — невозмутимо пояснил Тан Фэн, возвращая подушку на место.

— Ты что, женскую ступню от мужской отличить не в состоянии?! — От этой отговорки Бай Цзиннянь вспыхнул еще сильнее. Он сдернул одеяло и рябчиком взвился на кровати: — К тому

же я сидел в трех метрах от тебя! Как, по-твоему, я мог дотянуться до твоей ноги?!

Голос его гремел яростью, но уголки глаз предательски покраснели, придавая лицу беззащитное, надрывное выражение.

У Тан Фэна сжалось сердце.

— Виноват. Сам дурак, ослеп совсем — забыл, какова твоя кожа на ощупь, — шершавая ладонь Тан Фэна соскользнула под одеяло, а вкрадчивый шепот сменился двусмысленными посулами: — Дай-ка получше пощупать... поглажу хорошенько — сразу запомню.

— Пошел вон, — Бай Цзиннянь вяло ткнул его пяткой в бедро, но сопротивляться больше не стал.

А дальше... дальше сценарист явно переступил порог допустимого цензурой.

Се Синьцянь зажмурился, не смея дорисовывать картину в воображении.

«Так Ли Вэньсю всерьез вознамерился репетировать с ним ВОТ ЭТО?!»

Синьцянь запнулся и неуверенно предложил:

— Может... выберем другой эпизод?

— Зачем менять? — Ли Вэньсю смерил его испытующим взглядом. — Боишься, что я буду трогать тебя за ноги?

«Трогать за ноги...»

«Ли Вэньсю будет гладить его ступни...»

Воображение Синьцяня мгновенно подкинуло наглядную иллюстрацию, и щеки юноши вспыхнули с новой силой. Он и подумать не мог, что Ли Вэньсю произнесет это вслух с такой вопиющей легкостью! Да, в сценарии написано именно так, и чисто формально тут нет криминала, но...

Но какого черта Ли Вэньсю говорит об этом с невозмутимым лицом офицера, принимающего парад?! У него вообще стыда нет?!

Внутри у Синьцяня всё ходило ходуном от паники, но сдаваться он не намеревался. Сделав морду кирпичом и сурово насупившись, он отрезал:

— Кто сказал, что я боюсь?

Ли Вэньсю тихо ухмыльнулся, сохраняя при этом вид делового человека:

— Тогда начнем прямо сейчас?

В Синьцяне неожиданно проснулось глупое упрямство. Пойдя на принцип, он сжал зубы:

— Начнем так начнем.

В конце концов, это просто репетиция. С чего бы ему пасовать?

<http://bllate.org/book/19727/1985806>